

РОДСТВЕННИКИ ШАЛЯПИНА

В ПРОШЛОМ ГОДУ мне довелось встретиться с Ириной Федоровной Шаляпиной. Беседа наша проходила в ее московской квартире. Запомнились мне: небольшая комнатка, стол посредине, на стене портреты отца и среди них этюд, написанный маслом.

— Это какая-то вятская деревушка, — поясняет актриса. — Художник Емельянов.

— Вот такая же примерно деревушка, — говорю я, — расположена неподалеку от наших Вожгал. Помните, как о ней писал ваш отец: «Сырцево, Шаляпинки тож»?

— Да, да...

— Так вот, стоят Шаляпинки-то. До сих пор.

— Что вы говорите!

— И живут в тех местах родственники ваши. По отцовской линии.

Она подошла к этюду и как-то по-особому тепло и внимательно посмотрела на вятский пейзаж.

— Слышала я, что есть в тех местах колхоз «Красный Октябрь». От Петра Алексеевича Прозорова слышала и в газетах читала, но о Шаляпинках и родственниках по отцовской линии не знала.

— Вы когда встречались с Петром Алексеевичем?

— Несколько лет назад в Москве. Он сам разыскал меня, позвонил мне домой. И когда назвался Прозоровым из Вожгал, я так обрадовалась: бабушка-то моя, мать Федора Ивановича, Авдотья Михайловна, — урожденная Прозорова. И со слов отца я знала — родом из Вожгальской волости. Как услышала я «Прозоров», говорю: «Ну, Петр Алексеевич, наверное, мы с вами хоть и дальние, но родственники». Он смеется: «Возможно, возможно. У нас, Ирина Федоровна, там очень много Прозоровых. Приезжайте к нам, познакомьтесь». Беседа та была короткой, уже тогда Петр Алексеевич был тяжело болен, а вскоре после этого я прочла в газетах о его кончине. Так и не состоялась моя поездка в «Красный Октябрь».

— Едемте сейчас, Ирина Федоровна! Кировчане будут рады вас видеть.

Она снова посмотрела на этюд, вздохнула, подумала и — согласилась. Согласилась, махнув рукой и на возраст (восьмой десяток), и на режим, установленный врачом. И вот приехала.

МИМО ПЛЫВУТ белоснежные ели, сугробы белые. «Красота-то какая!» — дивится гостья. Позади Вожгалы, впереди деревня Чекоты. Там нас ждет ее родственник, кузнец колхоза «Красный Октябрь» Степан Михеевич Шаляпин.

Приветливый новый домик в три окна. Вот и сам хозяин выходит навстречу.

— Здравствуй, Степан Михеевич!

— Здравствуй, Ирина Федоровна!

Обнялись, расцеловались родственники...

И сразу же все вместе поехали дальше, в соседнюю деревню. Туда, где жили когда-то Авдотья Михайловна и Иван Яковлевич Шаляпины, родители великого певца...

Совсем немного нам осталось проехать. И чем ближе мы к цели, тем настойчивей в памяти оживают строки из воспоминаний артиста:

«Перед тем, как мне пришлось впервые ехать в Милан играть «Мефистофеля», я получил от отца письмо — он извещал, что чувствует себя очень плохо и хотел бы перед смертью свидаться со мною. Я тогда же собрался и поехал к нему пароходом до Казани и Вятки, а затем от Медведок сто верст на лошадах».

Плывут мимо сугробы, поля, леса вековые... Тот же путь, та же дорога!

...Начало века. Год 1901-й.

Кони сыты, не заморены, и все-таки какие же они длинные, эти русские версты. Болезнь отца и предстоящая поездка в Милан. Италия... До сих пор она покоряла Россию прославленными «бель канто», а сейчас прилагает на свою ведущую сцену, в свою итальянскую оперу русского певца. Такое — впервые.

— Вожгальская волость, барин! — извещает ямщик.

«По грустным полям, мимо жиденького хвойного леса приехал я в Сырцево, Шаляпинки тож, маленькую деревушку среди голых полей...»

ВОТ ОНА, эта деревушка. Приехали и мы. Пять-шесть домиков осталось, переезжают люди поближе к центру колхоза.

— Здесь, в этом доме, жил Иван Яковлевич, его брат Доримедонт, сын Доримедонта, Михей — отец мой, ну и я до прошлого года, — рассказывает кузнец. — Сейчас здесь живет моя сестра Настя.

Анастасия Михеевна уже приглашает нас: — Пожалуйста, гости дорогие!

Нехитрое убранство в этой избе. Большая русская печь. На шестке чугунок. У печки ухват. Полатцы небольшие имеются. В красном углу стол. Три окна смотрят на улицу. И, конечно же, на стене традиционная рамка с семейными фотографиями.

— Дети мои, — говорит хозяйка, — Анатолий, Алексей, Александр и дочь Нина. Разлетелись кто куда, но мать не забывают. Одна я сейчас в этом доме. Шестидесятый год мне пошел.

Выходим в небольшие сенцы. Когда-то рядом с ними была просторная ограда, сейчас ее нет, да и весь дедовский дом позднее был несколько перестроен.

Закрывая дверь, Анастасия Михеевна поясняет:

— Вот здесь, неподалеку, еще одна изба стояла. В ней была библиотека для крестьян. Основал ее Федор Иванович Шаляпин. Каж-

дый месяц он высылал сюда книги, журналы, газеты «Сельский вестник», «Северное слово» и деньги. Следил за этой библиотекой его дядя Доримедонт Михеевич.

(Еще до революции библиотеку местные власти закрыли, книги увезли в Вожгалы). Показал нам Степан Михеевич место, где стояла его старая кузница. И тут же предложил отправиться в новую, ту, что в Чекотах.

— Вот, Ирина Федоровна, электромолот колхоз приобрел. Облегчение большое для меня.

Включил электромолот, показал, как он работает.

— А до этого?

— До этого я сорок лет ручным молотом действовал. Вот так.

И он бьет по наковальне огромным молотом с правой, в то время как левая рука его выводит подголосок маленьким молотком.

— Могучая у тебя рука, Степан Михеевич! И сколько же тебе лет?

— Шестидесять два.

— Семья большая?

— Сейчас в доме я да жена Антониды. Дети взрослые. Один сын — подполковник авиации. Другой учится в сельхозинституте в Кирове. А дочь в Кирово-Чепецке работает.

В это время подошла вторая сестра кузнеца — Анна Михеевна: самое время гостей к столу приглашать.

Хороший дом у Степана Михеевича. Хо-

рош он радушием хозяев, чистотой и порядком горницы, вкусным сосновым запахом. На видном месте висят фотографии Федора Ивановича Шаляпина.

— Вот он, мой родственник! — с гордостью произносит кузнец. — С большим удовольствием я читаю книги о Федоре Ивановиче и слушаю его голос по радио. Особенно, если это старинные русские песни.

Несколько позднее мы приготовились слушать Шаляпинных. Сестры сели рядышком, брат — поодаль.

— Ты, Степан, помогай нам, — сказала старшая, Анна. — Начинай, Настя.

Анастасия Михеевна, маленькая и сухонькая, поправила платок, откашлялась и затянула сильно, протяжно:

*Эх ты, Ваня, разудала голова,
Разудала головушка, Ваня, твоя...*

— Вступила вторым голосом Анна, присоединился Степан:

*Сколько далеко отъезжаешь от меня,
На ного ж ты спонидаешь,
Милый друг, меня?..*

Были за столом и другие песни, но гостю больше всего взволновала именно эта старая рекрутская песня-плач.

— «Эх ты, Ваня» — одна из самых любимых песен в концертном репертуаре моего отца, — сказала Ирина Федоровна, — И вот всякий раз — и в России, и за рубежом — перед тем, как исполнить «Ваню», он говорил: «Записано со слов моей матушки Авдотьи Михайловны».

«Певал я часто с матушкой моей, она была очень милой домашней песенницей. Голос был простой деревенский, но приятный... За работой она всегда пела песни, пела как-то особенно грустно, задумчиво...»

Е. ЗУБАРЕВ.

(Окончание следует).

НА СНИМКЕ: С. М. Шаляпин, И. Ф. Шаляпина, А. М. Ардашева в дер. Сырцево. Фото В. Ворончихина.